

СОВРЕМЕННАЯ ДИАЛЕКТИКА ГОСУДАРСТВА И НРАВСТВЕННОСТИ

**С.Н. Бабурин. НРАВСТВЕННОЕ ГОСУДАРСТВО. РУССКИЙ ВЗГЛЯД
НА ЦЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА.**

М.: Норма, 2020. 536 с.

© 2020 г. И. М. Рагимов

Азербайджанская Республика

Поступила в редакцию 09.11.2020 г.

Аннотация. Статья посвящена анализу новой работы проф. С.Н. Бабурина о нравственном государстве. Анализируется переосмысление роли духовно-нравственных начал современного государства, его подход к общетеоретическим вопросам государственного устройства, политико-правовым проблемам взаимоотношений человека, общества и государства. Положительно оценивается исследование конституционализма в исторической динамике, осуществляемое через призму этики и аксиологии государства. Полемично рассмотрены авторские подходы к соотношению государства и религии, к духовным ценностям нации, само понимание автором русской нации и роли православия. Делается вывод о том, что работа, выполненная по философии государства, стала важным этапом развития современного государственного устройства.

Ключевые слова: государство, нравственность, конституционализм, нравственное государство, духовные ценности, религия, нравственные начала.

Цитирование: Рагимов И.М. (2020). Современная диалектика государства и нравственности С.Н. Бабурина. Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма // Государство и право. 2020. № 12. С. 106–111.

DOI: 10.31857/S102694520012822-5

MODERN DIALECTICS OF THE STATE AND MORALITY

**S.N. Baburin. THE MORAL STATE. RUSSIAN VIEW ON THE VALUES
OF CONSTITUTIONALISM. M.: Norma, 2020. 536 p.**

© 2020 I. M. Ragimov

Republic of Azerbaijan

Received 09.11.2020

Abstract. The article is devoted to the analysis of the new work of Prof. S.N. Baburin on the moral state. The article analyzes the reinterpretation of the role of the spiritual and moral principles of the modern state, its approach to General theoretical issues of state studies, political and legal problems of relations between man, society and the state. The study of constitutionalism in historical dynamics, carried out through the prism of ethics and axiology of the state, is positively evaluated. The author's approaches to the relationship between the state and religion, to the spiritual values of the nation, and the author's understanding of the Russian nation and the role of Orthodoxy are polemically considered. It is concluded that the work done on the philosophy of the state has become an important stage in the development of modern state studies.

Key words: state, morality, constitutionalism, moral state, spiritual values, religion, moral principles.

For citation: Ragimov, I.M. (2020). Modern dialectics of the state and morality S.N. Baburin. The moral state. Russian view on the values of constitutionalism // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 106–111.

Начнем с самого главного вопроса: в чем заключается цель фундаментального научного исследования проф. С.Н. Бабурина? Что желает донести не только до законодателя, но в большей степени до думающей общественности автор как современный российский ученый и политик? Что его не устраивает в Конституции РФ 1993 г.? Что он предлагает для совершенствования российского конституционализма? Вот основные, хотя и далеко не все, вопросы, на которые исследователь дает свои варианты ответов.

Профессор С.Н. Бабурин хорошо знаком широкой общественности далеко за пределами России не только как ученый-правовед, но и как политический деятель. Эта особенность, естественно, не могла не оказать влияние на содержание монографии, ибо проблемы современного государства рассматриваются не только с государственно-правовой, но и с политической точки зрения. Такой подход выделяет автора из среды многочисленных ученых-юристов, посвятивших исследованию феномена государства достаточное количество трудов. Однако немногие из них попытались рассмотреть суть государства именно с нравственной точки зрения. Другая особенность работы, которая красной нитью проходит с самого начала и до конца книги, заключается в том, что С.Н. Бабурин представляет читателю позицию по этой проблеме как мнение именно русского человека, политика и ученого. На такой подход прямо указывает подзаголовок исследования (русский взгляд на ценности конституционализма).

Нет необходимости останавливаться на всех вопросах, затронутых автором в его большой работе. Привыкшие к серьезным трудам по философии права, мы едва ли не впервые в современной юридической науке имеем дело с фундаментальным исследованием по философии государства. Многие из вопросов, особенно сформулированных автором впервые, представляются, на наш взгляд, чрезвычайно важными, но порой и весьма спорными. Остановимся на тех, которые более всего привлекают внимание.

Отметим сразу, что в предлагаемой читателю монографии уделяется достаточно много внимания общетеоретическим вопросам государственоведения, политико-правовым проблемам взаимоотношений человека и природы, научным дискуссиям о понятии, функциях и сущности государства, правовым аспектам цивилизационных особенностей государств и социальной консолидации. Весьма оригинально и интересно авторское исследование конституционализма в исторической динамике, осуществляемое через призму этики и аксиологии государства. Крайне важны и актуальны предлагаемые подходы к роли собственности и контроля над

публичной властью в нравственном государстве. У читателя есть возможность ознакомиться с теориями, мнениями и позициями различных исторических личностей, начиная от великих древнегреческих и восточных мыслителей и заканчивая представителями современной юридической науки. Но все они используются автором для аргументации его теоретических новаций в философии государства.

Итак, С.Н. Бабурин основную свою задачу видит в переосмыслении роли духовно-нравственных начал современного государства, в оценке возможности создания нравственного государства. Но что для этого необходимо сделать? Уже во введении автор дает ответ на этот вопрос, когда пишет: «Формулируя концепцию нравственного государства, мы фактически предлагаем конституционным путем поднять этот минимум нравственности на принципиально более значимую высоту» (с. 14). Нравственное государство, по утверждению ученого, имеет над современным государством, даже социальным и правовым, важное преимущество: оно создает новую конструкцию социальной организации, в которой функциональные аспекты наполняются новым качеством, задающим им более динамичные параметры. Поэтому «не праву и не политике, а нравственности суждено в XXI веке сыграть ключевую роль в спасении человеческого в человеке, в сохранении самого человечества, да и в возвращении государства к его социальному смыслу» (с. 115, 116).

В понимании автора нравственное государство — это государство добродетели, воплощенное в конституционно закрепленной духовно-нравственной самоорганизации общества. К такой мысли в свое время подошел известный философ В.С. Соловьев в работе «Оправдание добра. Нравственная философия». В частности, он подчеркивал, что в государстве реализуется возможность понимать «добро как правду, то есть как единственный правый, верный себе путь жизни во всем и до конца...»¹. С.Н. Бабурин идет дальше и вводит в теоретико-правовую науку понятие нравственного государства, вводит рискованно, но плодотворно. Какое же государство можно считать нравственным? Исследователь достаточно упорно ищет ответ на этот вопрос, ибо он понимает значимость ответа и для общественности, и для законодателя. Он твердо убежден в том, что «не всякое демократическое, правовое и социальное государство является государством нравственным, но всякое нравственное должно обладать качественными

¹ Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Собр. соч. Владимира Сергеевича Соловьева / под ред. и с прим. С.М. Соловьева и Э.Л. Радлова. 2-е изд. Т. 8 (1894–1897). СПб., 1914 / Собр. соч. В.С. Соловьева. Фототип. изд. Брюссель, 1966. С. 3.

характеристиками демократического правового и социального государства. Лишь нравственное государство может быть в современную эпоху идеальным государством» (с. 270). Общепринято считать, что нравственность как этико-философская категория понимается как система ценностей и добродетелей, определяющих социальное поведение группы людей или общества в целом. В этом качестве нравственность функционирует как важнейший регулятор поведения личности в обществе.

Однако нельзя забывать, что нравственность в то же время есть внутренние духовные качества, которыми руководствуется человек. А эти качества у каждого народа индивидуальны, ибо имеют генетические корни. Поэтому у разных народов нормы нравственности значительно отличаются друг от друга. Соответственно, каждый народ в процессе своего развития при определении сути государства, его формы исходил из нравственных начал своего сообщества.

Россия — многонациональное государство, и каждый народ имеет свои особенности и соответственно различные национальные нравственные ценности. Правильно ли в свете сказанного и, вообще, возможно ли создать Российскую Конституцию, основанную на нравственных ценностях только русского народа? Не лучше ли предложить Конституцию, учитывающую общепринятые универсальные общечеловеческие принципы, основанные на нравственных началах? Нравственность того или иного государства следует оценивать с точки зрения исторической эпохи и с учетом уровня нравственного состояния народа на тот период времени. Рост нравственного состояния общества, естественно, приводит к изменению основ и сущности государства, т.е. общество по-новому подходит к вопросу о нравственности государства. Нравственность есть совокупность норм, представлений, предписаний о добре и зле, должном и недолжном, долге, совести, чести и достоинстве, которые не могут быть закреплены в конституции, но должны быть положены в основу определения понятия и сути государства.

Значительное место в работе занимает вопрос о роли религии и религиозного мировоззрения в современном государстве и в построении Основного Закона страны — Конституции. При этом С.Н. Бабуриным с чувством глубокого уважения уделяется особое внимание Конституции Исламской Республики Иран. Автор считает, что религиозные принципы должны обрести статус правовых норм, а сами духовно-нравственные ценности стать правовыми категориями: «Нравственное государство невозможно осознавать вне рассмотрения его в традиции религиозного мирозерцания». Утверждается, что нравственность и религия слиты

нераздельно: первая из них носит столько же религиозный характер, сколько вторая заключает в себе нравственные начала.

Бесспорно то, что не может быть ни истинной религии без соответствующей ей нравственности, ни истинной нравственности без религии. Однако следует сделать некоторые уточнения: нравственность возникла задолго до религии и независимо от нее. Религия лишь потом приобщилась к нравственности и почти целиком подчинила себе дело нравственного надзора и нравственного воспитания масс. Именно в этом усматривается историческая роль нравственности в развитии человечества, в установлении правил поведения и ответственности за их нарушение, ибо еще не были сформулированы ни религиозные, ни правовые средства, способные запретами и угрозами уберечь людей от опасных, вредных и злых деяний. Иными словами, нравственность была непосредственно вписана в повседневность, составляла ее неререфлекторную суть. Среди сил, формирующих действительность, нравственность является самой первой. Этот вывод принадлежит А. Швейцеру².

Автор монографии убежден, что новый мир без опоры на духовные ценности наций (в России — вне православной традиции) построить невозможно, ибо современное общественное сознание расколото и тяжело больно, души людей расслаблены и одновременно жестоко обесчелочены, а насилие и разврат доминируют в пропагандируемой массовой культуре. И все это потому, что «отказ от возвращения к Божественному предназначению человека ведет к гибели души и вырождению народа» (с. 114). С.Н. Бабурина беспокоит следующая ситуация: человечество вступает в новую историческую эпоху противоборства государств с транснациональными корпорациями. И важно, не утратят ли люди при этом свои человеческие качества, не победят ли новейшие информационные технологии нравственную составляющую человеческого общества.

Что же предлагает автор в этой сложившейся ситуации обществу и законодателю? Первое. Необходимо изменить основополагающий ценностный принцип конституции, т.е. следует исходить из того, что существуют ценности, которые стоят не ниже прав человека, а именно: вера, нравственность, святости, Отечество. Второе. Возвращение в российское общество духовной системы координат возможно лишь при конституционной реабилитации Православия. Отсюда, полагает он, следует, что Российское государство должно признать исключительную роль Русской Православной Церкви в истории России. Без всякого сомнения,

² См.: Швейцер А. Культура и этика / пер. с нем. Н.А. Захарченко и Г.В. Колшанского; общ. ред. и предисл. [с. 5–29] В.А. Карпушина. М., 1973. С. 103.

православные ценности были, остаются и ныне духовной основой нравственности и культуры русского народа. Однако не совсем понятно, почему автор всегда в работе использует понятие «русский народ», забывая о финно-угорских, тюркских, кавказских и других народах, проживающих на территории России. Не лучше ли говорить о российском народе? Правильно ли, нравственно ли, справедливо ли признавать исключительную роль Русской Православной Церкви в истории России, да еще законодательно в Конституции закреплять эту исключительность, если 20% населения страны — это не православные христиане?

С.Н. Бабурин в качестве примера приводит Конституцию Исламской Республики Иран как конституцию нравственного государства: «Исламская Республика — это Божественно-народное правление, то есть, когда народ руководит делами общества и государства под Божественным руководством через механизмы законодательной и исполнительной власти» (с. 108). Он с чувством сожаления относится к тому, что в большинстве современных государств отсутствует в обществе именно духовный лидер. По всей вероятности, автор имеет в виду лидера типа Имама Хомейни и ныне действующего духовного лидера Ирана (Рахбара). Глубокое знакомство с Конституцией Исламской Республики Иран в конечном счете приводит его к следующему выводу: «Иранская Исламская революция заставила задуматься над вопросом, а является ли светский характер государства безусловной социальной ценностью» (с. 102). Не вдаваясь в дискуссию с проф. С.Н. Бабуриным, хотелось бы отметить, что Исламская Республика Иран существует после революции 1979 г. как новая форма теократического государства, имеющая выдержанный приоритет ценностных ориентиров развития. Пример Ирана показал способность и великую силу религии в самое трудное для нации время. Именно исламские ценности смогли собрать народ перед лицом не только внешней опасности, но и против нравственного разложения иранского общества, в котором уже господствовали европейские ценности и образ жизни. Вспомним слова И.Г. Фихте, что только религия «способна поднять совершенно над всем временем и над всякой современной и чувственной жизнью, не принося при этом ни малейшего ущерба законности, нравственности и святости жизни, охваченной этой верой»³. Они были произнесены в конце XVIII в., когда в Германии встал вопрос об объединении разрозненного населения перед лицом внешней опасности. В Иране же религия шиизма преследовала цель объединения народа для изменения сути

общества, смысла жизни людей, для превращения общества из светского демократического в религиозное. Можно ли утверждать, что Исламская Республика Иран в настоящее время — государство нравственное? С точки зрения ценности Ислама — возможно, и да. Справедливое ли это религиозное государство? С точки зрения прав и свобод человека в широком смысле слова считать Иран государством справедливым трудно, ибо многие правовые институты и законы, в частности уголовно-правовые, не соответствуют общепринятым принципам гуманизма и справедливости. Тем не менее следует согласиться с тем, что в этой стране господствует Верховенство Закона.

Возможно ли создание в России Конституции, подобной иранской? Хотя автор избегает конкретного ответа на этот вопрос, однако видно, что он с симпатией и одобрением относится к конституционному строю Ирана. Так, например, одним из признаков нравственного государства С.Н. Бабурин называет орган публичного духовно-нравственного контроля над органами государственной власти. В России таким органом, по его мнению, может быть Высший Духовный Совет, в котором решающую роль должны играть представители высшего духовенства Русской Православной Церкви, мусульманского, буддистского и иудейского духовенства. Какими же правами должен обладать этот Совет? Автор предлагает предоставить Совету большие полномочия, в т.ч. право «вето» на указы Президента, на законы парламента, тем более, на постановления Правительства.

Ученый считает, что в конституционном праве духовно-нравственные ценности всегда были «нежелательным ребенком», поскольку конституционалисты предпочитали фиксировать в основных законах суть и структуры политических и правовых институтов, а не нравственные оценки. Даже в наше время, по его утверждению, «приходится бороться за конституирование хотя бы отдельных элементов системы духовно-нравственных ценностей». Следует согласиться с автором в том, что нравственное государство в лице законодателя перед тем, как принимать конституцию или какой-либо другой закон, должно в полной мере осознать не только их юридическую и политическую необходимость, но в первую очередь нравственную значимость. Однако абсолютно не верно, что нравственная оценка современной политики требует, как полагает С.Н. Бабурин, руководствоваться Христовыми заповедями. Если в природе все наделено таким образом, что всякий излишек или недостаток в отношении к чему бы то ни было влечет за собой в той или иной степени непременно вредные последствия, то в нравственности государства должна быть середина. Если в нравственности срединная основная фигура — человек, то и в основе нравственности

³ Фихте И.Г. Речи к немецкой нации / пер. с нем. А.А. Иваненко. М., 2009. С. 189.

государства лежат именно интересы человека, а также блага всего общества.

Нравственные начала как раз и должны выступать гарантом того, чтобы государство не нарушило границу между нравственным и безнравственным в конституции и в других законах. Одни лишь только словесные вразумления и проповеди, без всякого принуждения, ограничения определенных прав и свобод, также противоречат нравственным началам государства и его конституции. Поэтому мы не можем согласиться с утверждением автора о том, что задача нравственного государства положить в основу своей деятельности, начиная с законодательства и правоприменения, нравственные принципы Нового Завета, в частности завета «не противься злему». Применительно к уголовной политике это означает отрицание государственного принуждения и наказания как средства борьбы с преступными проявлениями, насилием и т.д. Евангелие, имеющее для христианина особенное значение, дает образ нравственного совершенства, но не содержит в себе политического и правового учения. Оно не отрицает и не запрещает, но и не повелевает наказывать людей, совершивших преступление. Неоправданное смягчение наказания в интересах личности также есть нарушение нравственных начал, как и неоправданная его строгость во благо общих интересов, что успешно показывает в работе и автор.

В исследовании С.Н. Бабурина затрагиваются также отдельные частные вопросы, имеющие отношение к предмету исследования — нравственности государства. Следует согласиться с мнением, что принцип справедливости является критерием оценки нравственной сущности государства. Хотелось бы только сделать некоторые уточнения. В отличие от принципа гуманизма, который определяет границы нравственности в отношении отдельной личности, принцип справедливости служит оценкой, измерением нравственности государства в отношении к общему благу. Иными словами, в гуманизме выражается отношение между государством и личностью, а в справедливости — отношение государства к общественным интересам с учетом, естественно, абсолютной ценности человека. Гуманизм — это нравственная позиция государства, выражающая признание ценности человека как личности. Справедливость же выступает как принцип, который не дает возможности государству нарушать золотую середину, о чем шла речь ранее.

Принцип гуманизма имеет непосредственное отношение к проблеме смертной казни как вида наказания. Поэтому автору пришлось определить свою позицию и по этому вопросу. Он пишет: «Во избежание ложного возмездия, оскорбляющего дух нации, во избежание непоправимых трагедий

смертная казнь и не должна применяться, она должна быть заменена длительным сроком лишения свободы» (с. 419). Безусловно, основной философский вопрос смертной казни есть вопрос о ее нравственной сущности. Противниками смертной казни утверждается, что лишение жизни человека безнравственно, ибо только Всевышний вправе забрать жизнь, которую дает именно Он. Но как быть тогда с убийцами, которые с особой жестокостью, умышленно, обдуманно лишают жизни других? Разве Всевышний наделил этих убийц правом убивать себе подобных?

Мы исходим из того, что исторически это наказание — явление закономерное; религиозно оно благословлено и одобрено Богом во всех Священных Писаниях; философски лишение жизни человека оправдано только как справедливое воздаяние, а не как месть; с социологической точки зрения ее бесполезность и нецелесообразность не доказаны и не подтверждены, однако психологически установлено, что страх смертной казни — серьезный барьер для потенциальных убийц и насильников. Поэтому, отрицая в целом смертную казнь с позиций нравственного чувства, мы, тем не менее, утверждаем, что эта мера уголовного наказания обладает самым высоким качеством устрашения. Следует учесть, что кроме принципа нравственности в реальной жизни господствует и принцип здравого смысла.

* * *

Завершая размышления над фундаментальным трудом проф. С.Н. Бабурина по философии государства, хочу выразить уверенность в ее крайней полезности как для ученых-обществоведов, так и для широкого читателя, причем не только в России, но и далеко за ее пределами. Не подлежит сомнению, что при спорности отдельных положений и даже концептуальных подходов предлагаемая работа является важным этапом развития современного государствоведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бабурин С.Н.* Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма. М., 2020. С. 14, 102, 108, 114–116, 270, 419.
2. *Соловьев В.С.* Оправдание добра. Нравственная философия // Собр. соч. Владимира Сергеевича Соловьева / под ред. и с прим. С.М. Соловьева и Э.Л. Радлова. 2-е изд. Т. 8 (1894–1897). СПб., 1914 / Собр. соч. В.С. Соловьева. Фототип. изд. Брюссель, 1966. С. 3.
3. *Фихте И.Г.* Речи к немецкой нации / пер. с нем. А.А. Иваненко. М., 2009. С. 189.

4. *Швейцер А.* Культура и этика / пер. с нем. Н.А. Захарченко и Г.В. Колшанского; общ. ред. и предисл. [с. 5–29] В.А. Карпушина. М., 1973. С. 103.

REFERENCES

1. *Baburin S.N.* The moral state. Russian view on the values of constitutionalism. М., 2020. P. 14, 102, 108, 114–116, 270, 419 (in Russ.).
2. *Solovyov V.S.* The justification of the good. Moral philosophy // Coll. works Vladimir S. Solovyov / ed.

and with notes by S.M. Solovyov and E.L. Radlov. 2nd ed. Vol. 8 (1894–1897). SPb., 1914 / Coll. Works V.S. Solovyov. The phototype. ed. Brussels, 1966. P. 3 (in Russ.).

3. *Fichte I.G.* Speeches to the German nation / transl. from German A.A. Ivanenko. М., 2009. P. 189 (in Russ.).
4. *Schweitzer A.* Culture and ethics / transl. from German N.A. Zakharchenko and G.V. Kolshansky; General ed. and Preface [p. 5–29] V.A. Karpushin. М., 1973. P. 103 (in Russ.).

Сведения об авторе

РАГИМОВ Ильгам Мамедгасан оглы — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Азербайджанской Республики, президент Ассоциации юристов Черноморско-Каспийского региона

Authors' information

RAGIMOV Ilgam M. — Doctor of Law, Professor, honored lawyer of the Republic of Azerbaijan, President of the Association of lawyers of the Black Sea-Caspian region